

ЭСТЕТИКА НЕОБЫЧНОГО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ГРОТЕСКА

(Гротеск в литературе: Материалы конференции к 75-летию проф. Ю.В. Манна. Москва; Тверь, 2004)

27-29 мая 2004 года в РГГУ состоялась конференция «Гротеск в литературе», посвященная 75-летию профессора Ю.В. Манна, организованная Министерством образования Российской Федерации, Российским государственным гуманитарным университетом и Тверским государственным университетом. В свет вышел сборник материалов конференции, включивший работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблемам эстетики и поэтики гротеска. Статьи, опубликованные в сборнике, освещают проблемы гротескной образности на разных этапах истории литературы. Среди них можно найти работы, посвященные творчеству Э.Т.А. Гофмана, Н. Гоголя, М. Лермонтова, А.К. Толстого, Ч. Диккенса, Ф. Достоевского, Д. Мережковского, Ф. Кафки, М. Булгакова, М. Осоргина, Е. Замятина, В. Набокова, Б. Окуджавы, Вен. Ерофеева, Дж. Барта, Вл. Орлова, Р. Дала, Т. Толстой, Д. Липскерова, Ф. Тютчева, А. Крученых, В. Ходасевича, С. Парнок, Б. Пастернака, Ю. Тувима и др. Конкретная формулировка темы конференции позволила объединить исследователей, серьезно занимающихся поэтикой гротеска. Сборник погружает в контекст самых современных исследований по данной теме. Материалы взаимодополняют друг друга, дают широкое и всесто-

рнее освещение проблемы гротеска в литературе.

Сборник включает в себя четыре раздела: «Проблемы теории гротеска», «Гротеск в эпической прозе», «Гротеск в поэзии», «Поэтика гротеска в смене эпох».

Теоретический раздел открывает публикация В.И. Тюпы «Семиотический статус гротеска». Выявление специфики семиотики гротеска осуществляется через сопоставление с такими принципами иносказательности, как аллегория, эмблема, символ. «Гротеск ... предполагает игру значениями первичного языка, приводящую к вытеснению смысла (концепта) и замещение его субъективной значимостью (окказиональной коннотацией)». Однако такое понимание семиотики гротеска вызывает некоторые возражения. Полисемантизмом обладают и символ, и даже аллегория. Античность, Средневековье и Возрождение знают множество попыток символической и аллегорической интерпретации мифов, которые без жестких рамок традиции легко вырождались в абсолютную субъективность. Искусство авангарда, в том числе и абстракционизм, изначально создается с установкой на множественность и субъективность интерпретаций, однако вряд ли весь авангард целиком строится по принципам гротеска. Безусловно, гротескные образы со-

держат в себе потенциал полисубъективности, однако далеко не всегда он является доминирующим. Примером тому могут служить произведения таких признанных мастеров гротеска, как Гофман, Салтыков-Щедрин, а также образцы литературоведческого анализа произведений, представленные в данном сборнике. Наиболее спорным представляется тезис о том, что гротеск принадлежит к числу принципов иносказательности. Скорее, он принадлежит к тем типам условной художественной образности, которые в основе своей находятся вне иносказательности (хотя и допускают ее как вариант интерпретации), таким как миф, сказка, фантастика.

Среди работ, посвященных проблемам теории гротеска, хочется отметить работу Ф. Бельтраме (Триест) «Эстетика гротеска: к проблеме теоретического обоснования». Она представляет собой тезисное изложение книги этого автора «Теория гротеска и ее иллюстрация на материале повести Н.В. Гоголя “Нос”», изданной на итальянском языке в 1996 году (Franca Beltrame, *Teoria del grottesco. Con un'esemplificazione nel racconto di N.V. Gogol «Il naso», Monfalcone: Edizioni della Laguna, 1996*). В статье, представляющей собой попытку общей характеристики эстетики гротеска, по сути, описывается специфика ее семиотической подвижности. Это явление рассматривается как диалектическое отрицание классической (аристотелевской) эстетики, основанной на рациональном представлении о прекрасном как о торжестве «порядка», пропорции, симметрии, гармонии, а также диа-

лектическое отрицание принципа правдоподобия. При этом принцип гротескного изображения, названный автором принципом «субъективной свободы», искажая изображение реальной действительности как бы «от обратного», намекает на ее идеальную противоположность. Идеальный эталон выходит за рамки изображения и возникает как оптическая иллюзия, мираж.

Актуальной представляется статья И.А. Есаулова «Проблема субъекта описания гротескного образа мира». В ней отмечается, что культурные традиции Нового времени существенно влияли на истолкование и оценку народной культуры Средневековья, искажая и модернизируя ее. В статье корректируется распространенный и по сей день взгляд на устройство гротескного образа мира Средневековья, который якобы основан на конфронтации земного и потустороннего. Автор справедливо отмечает, что для христианской традиции характерна не конфронтация земного и небесного мира, а их сопряжение, позитивность телесности. Действительно, недооценка этого факта серьезно искажает описание гротескного образа мира Средневековья, однако необходимо делать поправку и на то, что народная культура не всегда идентична «чистой» христианской традиции, и нередко содержит ее вольную интерпретацию.

В сборнике содержатся интересные образцы анализа поэтики гротеска: А.Х. Гольденберг (Волгоград) «Фольклорный гротеск в поэтике Гоголя», Х. Гюнтер (Билефельд) «Гротескное тело у Гоголя»,

С.В. Савинков (Воронеж) «Печорин как камень и метеор»: «генотип» героя в гротескном отражении», О.Н. Турышева (Екатеринбург) «Преобразование» Ф. Кафки: Логика гротеска», Л.Н. Рягузова (Краснодар) «Гротеск в творческой интерпретации В.В. Набокова» и другие. Отчетливо прослеживается тенденция рассматривать гротеск как особый тип художественного мировидения, а не отдельный прием. В сборнике представлен целый ряд работ, в которых делается попытка проследить специфику гротеска на композиционном, стилистическом и речевом уровне. Отметим, что при всей его продуктивности, при таком подходе существует опасность метафорического понимания «гротеска», расширяющего это понятие до границ «вторичной условности искусства», смешения гротеска и фантастики, вторжения в область мифопоэтики.

Попытки описания гротескной поэтики на стилистическом и речевом уровне порождают ряд вопросов. Так, размытость и нечеткость границ гротескного образа или «гротескного тела» метафорически переносится в сферу художественной структуры, и любое взаимопроникновение подводится под понятие гротеск. На основании этого к гротескным формам причисляется нарушение границ между речевой зоной повествователя и субъекта, обращения повествователя к герою и читателю (в статьях Е.Ю. Козьминой «Гротескная образность романа Набокова «Приглашение на казнь», С.Н. Бройтмана «Гротескное начало в книге Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь», «двуголосое слово» и «языковой гибрид» в

статье Н.Д. Тамарченко «Эстетика гротеска и поэтика романа (О значении системы идей и понятий М.М. Бахтина для современной науки)». Возникает вопрос: можно ли относить к гротескной поэтике любое взаимопроникновение систем лишь на основе внешнего сходства с гротескным телом? Не является ли само «гротескное тело» частным случаем универсального принципа взаимопроникновения систем? Или гротеск, рассматриваемый в максимально широком философско-эстетическом контексте, является художественной реализацией такого взаимопроникновения?

Стоит отметить, что в сборнике есть примеры тому, как традиционная, неметафорическая работа с понятием «гротескное тело» может быть очень интересной и продуктивной. В статье Х. Гюнтера (Билефельд) «Гротескное тело Гоголя», на основе анализа гротескной образности раскрывается гоголевская эстетика и метафизика телесности. В статье Е.В. Тырышкиной (Новосибирск) «Гротескное тело в лирике А. Крученых» описывается гетерогенное и хаотичное гротескное тело в авангарде.

Новое интересное прочтение рассказа Франца Кафки «Преобразование» дается в статье О.Н. Турышевой «Преобразование» Франца Кафки: логика гротеска». В ней оспаривается традиционный тезис о принципиальной недекодерируемости семантики «Преобразования», раскрывающей лишь изначальный алогизм человеческого бытия. Логика кафковского гротеска в статье раскрывается через интертекстуальную реконструкцию

предшествующего «Превращению» контекста. Оказывается, что в неоконченном романе Ф. Кафки «Свадебные приготовления в деревне» содержится отчетливая психологическая мотивация подобной метаморфозы. Литературный «двойник» Грегора Замзы Эдуард Рабан мечтает отправить тело выполнять необходимые социальные функции, а душу оставить в постели. При этом душа «принимает фигуру какого-то большого жука». В этом контексте метаморфоза Грегора Замзы приобретает позитивное содержание и становится реализацией его бессознательного стремления отдохнуть, восстановить силы, избавиться от ложной социальной идентичности. Однако после пробуждения сознание героя по-прежнему оказывается во власти эмоций страха, вины и стыда. Оно не в состоянии принять эту освободительную метаморфозу, дающую возможность летать или впадать в спячку, и делает превращение кошмаром, обрекающим героя на гибель. Образ героя «Превращения» выстроен на трагическом разрыве между созна-

нием, которое идентифицирует себя только с социальной функцией и бессознательным стремлением к внутренней целостности.

В разделе «Поэтика гротеска в смене эпох» гротеск рассматривается как тенденция к выражению невозможного и недостижимого, отражение парадоксальности кризисных эпох. Публикация Т.В. Казарина (Самара) «Место гротеска в творчестве обэриутов» соотносит гротеск как особую меру нарушения достоверности с практикой «заумного» языка обэриутов. Автор показывает, как в ситуации, при которой проблематизируется не только возможность жизнотворчества, но и сам процесс художественного означивания, гротеск становится свидетельством «закупорки» тех каналов, по которым смысловая энергия переливается в мир.

В целом публикации сборника содержат множество необходимых для исследования наблюдений, которые определяют проблемное поле и очерчивают перспективы изучения поэтики гротеска.

В.Ю. Столбова, 2004

*Столбова В.Ю., аспирант кафедры современной русской литературы
Уральского государственного педагогического университета*